

Олег Брыев

СТИХИ 1979 – 1984

Почто ты, царь, - постави тут столицу?
Так холодно, так сиро, так темно ...
И дождь качает желтую страницу,
И мерный порох просится в окно.

Не лучше ль было небо возле Ялты
Зачеркнутому подчинить кресту,
А тут бы жили хмурые прибалти
И белых кирх хранили высоту.

И я бы шел под липами сырими,
Подмигивая окнам мильх дам;
Ах нет, не там цари твои царши,
Россия, ах не там, не там, не там.

Ведь золоченный щит Адмиралтейства.
Сквозит мне в кровь, который век дразни.
Остановись, задумайся, присталься -
Он всем тобольским альникам родил!

Но если б в мире не было Сибири
И сонику учиняли в Дибуны,
Каких бы стихотворцев мы любили,
Каков правдой были бы хмельны? ..

Когда разрушат наш обжитый дом,
Когда лишат последних прав вороньих,
Тогда, цыган, по родине пойдем,
Медведем потешая посторонних.

Медведь горбатый, звякая кольцом
О ржавую, изогнутую цепку,
Недвижным, озадаченным лицом
Оборотился и глядит на церковь.

Онись, медведь, аи барыю рвани,
Чтоб люд глядел, сбегаясь к сельсовету,
Как три изгоя гибущей страны
Мордуются за медную монету.

Кузнец, что разворачивал обед
У наковальни, в темноте и блеске,
Был виден из суеты и бед.

Его жена вела узор на блузке
И, улыбаясь, думала: "Ну вот,
Опять мои одеяния станут узки".

Муж, горлом двигая, допил компот;
Не сведши гляз с синевшей полоски:
"Он будет лучшей из моих работ!"

Жена его черпнула слив из миски
И вспомнила того, кто бы обур
Со звоном, по-кавалерийски.

Дым долетал из курицы горово,
Иdeal меч Ахилла, ждала погибель Троя.

— Люб гения и честности провидца
Останутся ли с памятью людской? —
— Лишь голос стоец над водой морской,
Пророчествуя участь несчастливца;
Без перемен теченье перемен,
И перки плакут, опуская синицы,
Напрасен труд их, их усердье — тлен,
Как исккие глаза цареубийцы.

— Но коли так, и на плече прибол
Не вспыхнет на наш песчаний берег
Ни зверь живой, ни мертвый человек,
То как же жить и где искать покоя?
Перекивает ли детище слепое,
Простое чадо длинных вечеров,
Когда в заплывших пальцах кучеров
Не хлыст мелькнет, но лезвие тупое?

- Но я сказал. Я все уже сказал.
Почти что прямо. Будто бы в сомненье.
Под гром и звон одервеневших вал:
Итога нет! Итог - одно стремленье!
С победой тот, кто никого не звал;
И даже он, и как это ни странно,
Лишь кровью окрасит пенный вал,
Катящийся. На берег. Неустанно.

• • •

На задних дворах "Общепита"
Такая воючая вонь,
Что кошка зевает сердито
И лижет крипную ладонь;

И даже еврей из оконка
Печальным глядит комаром,
Как черная гнутая ложка
Торчит из худых макарон...

МЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Ах, пейзанская жизнь, если верить эклогам,
Столь легка и приятна. Тебе же, певец,
Ни за что не прельстить в перелеске пологом
Завитую настушку нек картавых овец;
Никогда не брести за томительным плугом,
Лошадиний до полночи дранть наряд,
Или с куклой тряпичной трястись по округам
Тоже, ведаешь сам, доведется навряд.

И дриады больные руки не протянут,
Чтоб тебя подманить под пернатую тень,
И от сладостной цитры листы не воспрянут,
И не выгнет прохладную шею олень;
Соловьевное жирное горло не лопнет
От любви и бессилья хоть что-то сказать.
Нет, певец не хозяин, но и не холоп. Нет,
Енай возможна для него благодать!

Я сегодня прошу у судьбы не подарка,
И подавно купить не хочу ничего...
Только тяжкая поступь ослепшего парка,
Только холод покорный. Гляди - Рождество.
Темнота ли хромая тревожит фрамуги,
Одиночество ли гладит последних котов?..
Я готов рассказать о певце и подруге
Его. Что угодно рассказать я готов.

Чем помалу строчить, да помногу чиркать,
Дай-ка темку возьму, да и стену дроцить;
Без усилия, без устали в лиру ныикать, -
Так на сердце спокойно - как жене поручить.
Как открою странницу и сердце потянется:
Был я раб вдохновенья и хозяин его,
А теперь и заботы - рука не устанет?
Но скончает ли зад? Бутовство, шутовство...

Ну, поехали с бегом. Дороги умыты
И веселые лошади косо глядят;
Ледяные глазницы их полуоткрыты,
Лубяные прически против хода летят.
Под копытами хлюпнут моста половицы,
И река осторожно из-под рук полоснет;
...А за речкой сажене путем косовицы
Подпадают под жуткий помещичий гнет.

Феодал с чубуком в разъединенном кресле
Прямо в поле сидит и лакает ликер,
Потребляет крестьянок и, не нравится если,
Под священничий гогот отправляет в костер.
Тут же плачет-ридаст господская сучка,
Так как ейные дети у холонских грудей,
А на ближнем пригорке Эдисон-самоучка
Изобрел самокат и равенство людей.

А назад оглянись - ох, как страшно, как страшно;
Наш оставленный город в плаще ледяном...
Там средь света темно, да сне и неважно -
Золотое перо мы оставили в нем!
У седьмого дворца, на десятой ступени...

Золотое перо, без которого ниц...
Но спялись над землей лошадиные тени,
Не вернешься назад, только сердце казнишь.

ВМЕСТО ЧАСТИ ВТОРОЙ

1

...Очень худо, господа, очень худо
Учи девок, господа, учи девок!
А от этого пруда - лишь простуда -
Мало денег, господа, мало денег!

Никакого в мужичье работенья -
Все холопи, вахлаки, лоботряси;
Будто в опере нацепят отрепья,
А оттуда - вот такущие мяси.

А вахлаки? - исключительно пьянки.
Лишь безделье, хоть иди Христа ради.
Все вонючки, гоходранки, поганки...
О кровеню? - так и попросту - бляди!

Нет, панове, хоть и это не внове,
Задали: не на той мы основе!
Страха Божиего нет в Иванове,
От того-то все несчастья, панове!

Вот глядите. Хоть сейчас - за ограду:
Приближается к усадьбе мужчина.
Рассудите, коли не конокраду,
Так кому сия пристойна личина?!

Ну чего это он пляется часом,
Бгда в поле все честные пейзане,
А несет от него потом да квасом
Эх, отсюда - до самой Рязани!

Сам-то ржий, а глаза-то какие!
Воровские, господа, плутовские;
Взгляд набыченный, глядите, голодный...
Ну, антихрист, ну, разбойник природный!

Накорми-ка дармоеда, Григорьевич.
Пусть ко мне зайдет опосля вечерней...
Ах, во рту такая странная горечь,
Как, месье, насчет наливки дочерней?

Эй, холопы, у Английской соседки
Стой накройте вот на эти персони,
А у нас пока, соседи-соседки,
Быть кощунство посетить все разони...

II

Где дорожка в кружевах лопушник,
Где деревка воздуха - мешком,
Где из сердца, как из рук лягушник,
Тянется позвоночник холодком,
(Плачется кузнечик-перросток
На бревне - как хуткий леденец...)
Тысячу господских паниросок,
Не считая, перевел певец.

Он сидел на склоненном чурбане,
В огонек рассеянно глядел,
Размыслил о Родине, о бане,
Знает ли Всеменная предел?..
Изъяснял поэзии истоки,
Изъявлял движения души,
Думал: "Как помещики жестоки!"
Думал: "Как их дочки хороши!"

И внутри певца не примечалось
Белое растение стиха.
Шутовство какое-то мешалось,
Некая вертелась чепуха.
И ему чего-то все хотелось,
Но не мог понять и сам - чего?
И такая теплая бесполезность
Также под мышками его.

Так сидел певец. И вот, однажды,
Чтобы нашу повесть подтолкнуть,

Встал он и пошел. Поэт, куда ж ты?
Отвечает: "В поле. Отдохнуть."
Это ложь! Поподбено стратегу
Ротовелм нанести урон.
И залез певец в библиотеку,
Сел и стал читать "Декамерон".

Долго он читал. Влеснула полью
Мускулом сердечным из окна.
Подошел к окну и молвил: "Полно ж,
Надо взять у барыни сукна
И пошить кафтан да молодецкий,
В талию пошить себе кафтан,
Чтобы забоялся да турецкий,
Ай дяди турецкий да султан!"
И задетый этой мыслью странной
(Что не бывал султана в пиджаках),
Сел к столу и перечень пространный
Он составил - "где, кого и как".
Отведя на этом деле душу,
Тела он исполнил интерес...
Между тем буфетчицкую Грушу
Дан тащи к гумку наперевес.

КОЛЬЕЛЬНАЯ

Малый, спи - над светом тьма,
Лишь в окне клюкачет,
Да луна ног своей косой
Об облако точит.

Поспешает пешеход
В плащичке, что птица;
К однобоку-фонарю
Тень его катится.

А под домом ходит мышь,
А над домом - воздух;
Рыбы жесткие в пруду
Сият безмолвно в гнездах;

Мама спит, и папа спит,
Обнявшись в постели; -
Сердце их стучало-стучит
Стук повсюду слышен.

ЗАПИСКА НА ПОГОНЕ

Что я сказать смогу без спора?
Кругла земля, она тверда;
Щемящие щиты Боспора.
Опять тесны как никогда.

А там, на Севере полночный
Костер катается во мху;
Всей пустотой позвоночной
Луна проникла ко штыку.

И кто же, кто же в чаще бродит,
Бренчит железами из мглы?
Не бес ли его в бездне водит,
Небесные кося угли?

Не ангел ли его морочит,
Украдкой верный путь торя?..

Боспор кипит, Боспор бормочет,
По дну катает якоря.

• • •

Возились полный день, а вот уж и пора. -
Тревожатся и старшии: "Что дети?" -
"Явились бы уже... как канули с утра... -
"Зот вечер катится, сверкающий, как сети."

Ми, - камень и огонь; ми, - древо и вода;
Ми, - воздух, свет и кровь; должны спешить,
  уж темно.
Когда же побежим, - кто как и кто куда, -
Песочница пуста останется, огромна.

Середь этой зимы понял я, как я к жизни прикован,
Как не нужно мне ничего, кроме дней и ночей...
Даже вниз уходя осовенным лицом пустяковым,
Оглянувшись изо всех сии: Божий свет, весь в снегу,
весь в снегу до плечей.

• • •

Я - ворон, вернувшийся к Нов,
Раззявила пластмассовый рот...
Зато за мою спиной
Кишенье - волна за волной
Воздушных и водных темнот.

И сколько же, Осподи-Боже,
В темнице десницы Твоей
Луны вороненое ложе
За узкой темью моей.

Лишь шепот валов разномерный...

ВАРИАЦИЯ

Эх, и вжался и заржавленный якорь -
Не проглянешь сквозь вязкую муть...
...И взошли камнесечец и пахарь
На лодейную выбкую грудь.

Передрогнул корабль и замер,
Перестались жерли вовне,
Место намертво кормчее занял
Человек на двухногом коне.

И глазницами, полными глума,
Он за солнцем следит стороной,
Слыша никующий шепот из трама,
Слыша медленный скрежет цепной.

Крикнет птица: "Уходи, уходи..."
Ветер мацтой чуть скринет златой...
...Что ж искорчился кормчий Господин
Под раздвоенной мертвой пятой?